

СБОРНИК ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ

Осип Бес

**Души прекрасные порывы.
Сборник прозы и поэзии**

«Издательские решения»

Бес О.

Души прекрасные порывы. Сборник прозы и поэзии / О. Бес —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851067-0

Сборник прозы и поэзии «Души прекрасные порывы» посвящен столетию Великой Октябрьской социалистической революции, но он и о том, что случилось с нами за все это время. Что изменилось, что осталось прежним, и почему сейчас актуальны все те же вопросы. В книге представлены семнадцать авторов: Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Сергей Спайкер, Дмитрий Факовский, поэт и музыкант Бранимир и другие. Все средства от продажи сборника будут перечислены на поддержку политзаключенных.

ISBN 978-5-44-851067-0

© Бес О.

© Издательские решения

Содержание

От редакции	6
Бранимир	7
Отцвели глаза твои...	8
Позабывшие отца	9
Клопы	10
Сергей Шаргунов	12
Свой	13
Кирилл Рябов	22
Суки	23
Владислава Броницкая	28
«Мою страну стирали морем бед...»	29
«Мой город отчуждён до давящих пустот...»	30
«АН, МУЗА РАЗУМНА. [ЛЕЗУ В УЗЕЛ] палиндромов...»	31
«Медным лбам не пройти медных труб...»	32
Сергей Спайкер	33
Вводная	34
Доноры	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Души прекрасные порывы

Сборник прозы и поэзии

Редактор Осип Бес

Редактор Дмитрий Факовский

Дизайнер обложки Осип Бес

Корректор Елена Крюкова

© Осип Бес, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1067-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редакции

На этих страницах мы не станем копаться в истории,
не станем ее переписывать и тревожить ее прах, спустя сотню лет.
В этой книге вы не найдете шокирующих фактов о том времени. Мы не были ему свидетелями – мы живем сейчас.

Здесь собрано семнадцать совершенно разных авторов, у каждого из них свои убеждения,
своя правда. И своя революция.

Для всех нас она разная и для всех одна.

Прошло сто лет, но для нас она продолжается.

Бранимир

Автор-исполнитель из города Сталинграда. Биографические вехи не имеют значения.

Отцвели глаза твои...

(Романс)

Люли-люли, спи, мой рёва,
засыпай, мой маленький!
Завтра шудрой будешь снова,
обрыганским валенком.
В новый день – как в новый бой
с пушечными залпами.
Отцвели, отцвели, отцвели глаза твои...

Был как спирт – горяч и чист, веселее Роджера.
Стал – коварен и говнист,
пьянью с бурой рожею.
Бьёшь Маруську, пашешь, пьешь
панацею затхлую.
Отцвели, отцвели, отцвели глаза твои...

Спился хриплый Винни-Пух,
стала шлюхой Золушка.
Грозный Муромец сидит жопой на колышке.
Их за так не отпоют дьяконы пузатые...
Отцвели, отцвели, отцвели глаза твои.

Аты-баты! шли года по скелетам кукольным.
Помотало, потрясло, стало сердце уголем.
Хобот в щёку положи – станешь Бодхисаттвою.
Отцвели, отцвели, отцвели глаза твои...

Позабывшие отца

Дороги серы, как освенцимские робы.
Уходят лесом красны шапки в никуда.
Висят на досках без почёта хлебробы.
Рандоль и моль, бутылъ и боль студёней льда.

Мозги засохли без живительной глюкозы,
Мешками с пылью трепыхаются сердца.
Зловонным паром дышат бывшие колхозы,
Несут ярмо, плюясь на гадкие морозы,
Слепые лапти, позабывшие Отца.

Клопы

Вспомни себя доходяжною палкой,
Прилежною девочкой-паинькой.
Клиенты не били тебя по лицу,
А в ночь приходил Дед Мороз.
Ты мёрзнешь на трассе с хабалками.
Есть прайс и другая мамочка.
И Карлсон сто лет как дорогу забыл,
Дорогу на улицу Роз.

Вспомни себя малыша-горбунка.
Тогда ты расчесывал волосы
Смешным гребешком на дурацкий пробор.
Брал ранец и шел в первый класс.
Теперь ты сидишь от звонка до звонка.
В тельняшке лишь черные полосы.
Маманю по лету снесли на погост.
Кровинку совсем дождалась.

Вихри враждебные взвились.
Жнец убирает снопы.
Смилуйся, Господи, смилуйся!
Мы тупы, мы слепы, мы клопы.

Вспомни себя, карапуза с бубоном,
Васюткой с коллекцией вкладышей.
Там были и «Турбо», и «Бомбимбом»,
Нашивка с секретным «Fuck You».
Сейчас ты горянку полощешь бурбоном,
И «Форд» не берёт тебя за душу.
Уже не сравнить ни киркой, ни кредиткой
Кривую дорожку твою.

Вспомни себя восьмилетнего шкета.
Тогда ты мечтал стать разведчиком.
В траншее за домом гремела война
И пуля тебя не брала.
Теперь ты стреляешь одни сигареты
И мелочь с утра и до вечера.
Штурмуешь лишь только пивные ларьки.
Ползёшь как пластун до стола...

Вихри враждебные взвились.
Жнец убирает снопы.
Смилуйся, Господи, смилуйся!
Мы тупы, мы слепы, мы клопы.

Сергей Шаргунов

Родился 12 мая 1980 года в Москве, в семье известного священника, преподавателя Духовной Академии Александра Шаргунова.

Выпускник МГУ им М. В. Ломоносова (2002) по специальности журналист-международник.

В 1998—99 годах работал в Думской комиссии по расследованию событий осени 1993 года.

С 19 лет начал печататься в журнале «Новый мир», в котором выходила не только его проза, но и его критические статьи. С тех пор начал печататься во многих «толстых» литературных журналах.

В 21 год стал лауреатом премии «Дебют» за повесть «Малыш наказан». Свои премиальные Шаргунов перечислил на адвокатов писателя Эдуарда Лимонова, в то время сидевшего в тюрьме.

С 2003 по 2007 работал обозревателем в «Независимой газете», где вёл литературный проект «Свежая кровь», на страницах которого впервые и неоднократно печатались многие молодые писатели.

С 2012 года – главный редактор портала «Свободная пресса».

Как журналист находился в зоне боевых действий в Южной Осетии в 2008 и в Донбассе в 2014—2016 годах.

Сергей Шаргунов – лауреат премий: «Дебют», «Эврика», Государственной премии Москвы, итальянских премий «Arcobaleno» и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, историко-литературной премии «Александр Невский», дважды финалист премии «Национальный бестселлер».

Книги Сергея Шаргунова переведены на итальянский, английский, французский, сербский языки.

С 5 октября 2016 года – депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва. Своими приоритетами на этой должности называет борьбу с уничтожением образования, закрытием школ, медицинских учреждений, с отнятием детей, поддержку соотечественников.

Воспитывает сына Ивана.

Свой

– Нас окружают, – сказал парень рядом.

И сразу Илья услышал то, на что не обращал внимания.

Вкрадчиво хрустели ветки. Словно подавая сигналы.

Лес, высоченной чернотой обступавший просеку, был полон нехорошего движения.

Это была даже не просека, где они стояли, а разбитая колея с окаменелыми комьями земли, а слева и справа кто-то с треском приближался.

Хряск, хряск...

– Окружают, – сказал парень виновато. – Лучше посижу, – он быстро опустился на землю: призрак человека с призраком автомата.

Хряск, хряск...

– Окружают, – несло от одного к другому.

– Тишина! – отрывистый приказ. – Заткнулись!

Илья замер, остановив дыхание, разом прикинувшись неживым. Хруст перестал, значит, и в лесу тоже замерли, и от этого стало жутко. Ночь густела – еще чуть-чуть, и можно мять ее, как пластилин.

Он ссутулился, чувствуя горб рюкзака и неловкий черепаший панцирь бронежилета, нянча двумя руками автомат, ставший липким и почему-то лишним.

– Я слышал рации, – пылкий шепот.

Успокоительно:

– Здесь зверей много.

За деревьями размашисто зашуршало, как будто протянули тяжелую тушу.

Илья повесил автомат на плечо, снял каску, душившую горло ремешком и накрывавшую слух, опустил на землю.

Ведь всех сейчас уложат, двенадцать человек. Уложат... Вряд ли плен. Просто всех уложат...

В небе навстречу его молниеносному взгляду пролетела лучистая строчка. Следом еще одна. Звездопад. В эту ночь был настоящий звездопад. Звездная собачья свадьба. Их было непривычно много, и они там в своей тоскливой серебристой вышине клубились, грызлись, метались – наверно, лаяли. Откуда еще увидишь такое небо? Мы уже пересекли границу? Скажи: да...

Удивительно – конец мая, но здесь ни одного комара.

По сухим комьям дороги заиграли яркие лучи фонарей.

Людские фигуры шатнулись, выпуская к лесу двоих. Илья споткнулся и, выпрямившись, в каком-то инстинктивном танце проскользнул к машине, бронированной белой газели с облупленной зеленой полосой на борту. Влез внутрь – было темно и пусто – пробрался на последнее сиденье, к бойнице, откинулся, поставив автомат между ног, и закрыл глаза.

Сколько времени? Время в телефоне, телефон приказали сдать еще давно, чтобы не засекли.

Уснул в минуту – отрубил опасность...

Разбудил грохот. Что-то ползло мимо. Вылез, увидел грузовик, который встал с погашенными фарами.

Позади газели темнело плотное стадо, грузовик к грузовику.

Наскочил старшой, с силой хлопнул чье-то плечо, протараторил в возбуждении:

– КамАЗ полетел!

– Как?

– Застрял! – Глаза, хорошо различимые в темноте, казалось, светились, проясняя бешеное лицо с клочковатой бородой.

Илья почувствовал бодрость: есть подмога, окружения нет... Прислушался. Хруст, вроде еще звучал, но нестрашный, уже жалобный. Может, и правда звери, но ничего, много нас, охотников. Или это сами деревья приветствуют освободителей скрипом.

Пошел навстречу грузовикам. На дороге теснилась молчаливая толпа, он продирался сквозь нее – разбирали автоматы, натягивали броники и каски.

А там, куда поднималась зябкая дымка, там по-прежнему сверкал звездопад...

Возле одного КамАЗа было пусто, но из черной пасти открытого кузова доносился гуд. Словно бы улей инопланетных пчел. Непрерывные голоса сливались в сладко-гортанное прожорливое урчание. Неужели демоны ночные? Может, их прислал звездопад?

– Братан, кто там? – окликнул первого встречного.

– Чего?

– Это че за гундеж?

– А... Чечены!

– А...

– Погнали! По машинам! Быстро! – раздались крики.

Он прошел кромкой леса и, поняв, что возвращаться к своим поздно, приблизившись к случайному грузовику, запрокинул голову:

– Ребят, сюда можно?

– Мест нет!

– Да ладно, лезь!

Он ухватился за крепкую камуфляжную руку и вскарабкался туда, где было битком. Захлопнулись. Засел на дне, верхом на «шмеле», круглой трубе, на которой с первой минуты больно стало подскакивать, но и держаться оказалось не за что... Встал на колени, протиснувшись к боковому борту и вцепившись в его железо, и теперь так и ехал – с автоматом на плече, на коленях около пулемета, а сверху кто-то сказал ласково:

– Я когда стрелять начну, ты головушку нагни...

Грузовик помчал. Молчали напряженно. Дорога сузилась. Ветка хлестнула по кузову, как выстрел, боец справа в ответ лязгнул затвором, неотступно уставившись в лес.

Начало светать, среди смутно-сизой дымки лес обретал насыщенно-летние тона, и проступали те, кто был в кузове. Илья посматривал на них, пятнистых и крупных... Рожи славянские... На руках кожаные перчатки без пальцев, некоторые в вязаных масках...

– Ты с каких мест? – спросил все тот же ласковый голос.

Илья покосился вверх – человек не прятал лицо, добродушное и спокойное: голубые глаза под оранжевыми бровями, полные щеки повара тряслись, красноватые, как будто распарились у плиты.

– Москва...

– Ъх!

Этот насмешливый вдох перекинулся на весь кузов, но тут их мощно подбросило, и раздался общий выдох ругани.

– А вы откуда? – крикнул Илья, перекрывая ветер и скорость.

Вырвались из леса на голое пространство степи.

– Беркута! – почему-то этот хлипкоголосый слышен был отчетливо. – Я с Харькова. Да кто откуда...

Въехали на пригорок – привстав и глянув назад, Илья увидел петляющую между полей и рощиц дорогу, по которой, вздымая пыль и рассеивая рассветную мглу, слепя фарами, гнали вперед и вверх грузовики.

А, наверно, весело сейчас разбомбить этот караван...

Машина опять взлетела. Мина? Их швырнуло друг на друга и перемешало – валясь с ног, стучаясь автоматами, они неразборчиво заорали все вместе, возмущенно, но и восторженно, как будто в порыве братания. Илья зажмурился, цепляясь за уплывавший ящик, укатывавший огнем и чьи-то шнурованные ботинки.

По крыше гулко застучали кулаки.

– Шумахер хренов!

– Эй, козел! Слышь, не газуй!

– Как приедем, шофера сразу к стенке, – заржал казак с пушисто-седыми усами, в синем мундире и синей фуражке с красным околышем, чем-то похожий на букет полевых цветов.

– А правда, почему он так гонит? – выпалил Илья.

– Когда быстро, попасть сложнее... – объяснил пулеметчик.

– Откуда?

– Да откуда... Хоть с земли, хоть с неба... Думаешь, они не знают, что мы едем? Вчера бой был... Три машины сожгли...

– Два «двухсотых», шесть «трехсотых», – готовной скороговоркой отозвался кто-то справа.

Илья всматривался в рассветную местность: где затаилась засада – за тем аккуратным, точно подстриженным кустом или в той голубоватой траве?.. Как он умудрился посеять каску? Какая завидная, наверно, мишень его голова, которая крутится и подпрыгивает над железным бортом... Наверно, ее первой разобьют!..

Колени болезненно ходили ходуном, ему хотелось нагнуться в поклоне, спрятаться хоть за какой-то заслон, но этого унижения он не мог допустить.

Левое плечо тяготил и мотал автомат: «Доброволец. Ты – доброволец».

Поднял глаза на пулеметчика:

– Победим?

Тот неожиданно по-родственному сощурился:

– Сто процентов!

Вдали то ли туман, то ли привязанная коза...

«В эту ночь решили самураи перейти границу у реки, – песня из детства, зачем-то он пытался расшифровать ее, иногда зависая на словах, как в молитве. – Так... Перейти границу... И я тоже – через границу, ночью... Но разведка доложила точно... И летели наземь... Значит, если нас встретят сталью и огнем, мы полетим наземь... Но это как? Сразу смерть? Или можно упасть, уползти, затаиться под кустом? И лет-е... наземь самура-а...»

Он стал себя развоплощать, готовить к смерти, подумал о друге Иване по фамилии Пушкин, который не узнает про эту войну. Отчаянный гуляка, поэт, блондин. Он часто шутил о смерти. Однажды позвал гостей на день рождения ровно к девяти вечера – «и ни минутой позже». Дверь была открыта, они прошли в комнату, где хозяин лежал, сложив руки крестом на груди, а неизвестный снимал с него гипсовую маску. Такой розыгрыш. Маску Иван повесил над диваном. А год назад, в конце мая, его нашли в Филевском парке с проводом на шее. То ли повесился, пьяный, то ли повесили... Он лежал в гробу, похожий на себя тогдашнего на диване, весь похожий на слово «поэт», с лисьей большой усмешкой... И вот сейчас лететь в неизвестность по извилистой дороге – это была как бы сопричастность другу... Он как бы летел по его мертвой улыбке... «Я рискую головой, чтоб тебе там было не так обидно... Ну если что, стану, как ты».

А вот о девушке Полине и о матери почему-то ничего не подумалось... Наверно, из жалости к ним.

Полина, с которой недавно стали жить. Длинноногая. Девочка-мерзлячка. Кожа гусиная на лебяжьих косточках.

– Держись, Москва! – Кто-то, оскалившись многочисленными стальными зубами из прорези в черной маске, поднял перчатку с торчащим вверх голым большим пальцем. – Мы все теперь москали!

Опять тряхануло – затормозили. . .

И тут же, как остальные, Илья посмотрел в небо, пытаясь разглядеть вертолет, стрекочущий в сизо-белесом облаке.

Зачертыхались.

Позади один за другим, гася фары, останавливались грузовики. Из кабины выскочил мужичок в ватнике и крикнул, задрвав мелкое детское лицо:

– Наземь! – И после паузы: – Приказ «Хорвата»! – Он потрясал хрипящей рацией с толстой антенной, словно какой-то игрушкой вроде танчика.

Илья, как все, снял автомат с плеча, перекинул ногу через борт, потом вторую – оттолкнувшись, прыгнул.

Позади и спереди тоже прыгали.

– Ложись! – прозвучало уверенное, и он немедленно растянулся рядом с человеком в маске, как и он, выдвинув автомат вперед себя.

Они залегли на краю дороги в жесткой траве, позыркивая друг на друга и вверх, где под настырный механический стрекот выплывало огромное красное солнце.

Солнце юга заливало все собой.

Стрекот слабел, таял, пока не исчез.

Утреннее тепло стелилось по степи.

Илья легко и радостно вскарабкался со всеми в грузовик, и пускай ехал по-прежнему на коленях, но высунувшись по бронезилетную грудь, точно бы вырос. Избежали окружения, избежали боя. Неужели так все и будет – ни одного выстрела? Видно, в этом особые чары войны – не сам бой, а постоянная его угроза. Автомат он сообразил снять с плеча и придерживал рядом со стволом пулемета.

Черный остов выгоревшего грузовика, кругом по траве барахло, наверно, из рюкзаков. Боец справа с чувством рявкнул, Илья не расслышал, но на всякий случай кивнул. Террикон, величественный, как усыпальница дракона. Распаханное серое поле, ноздреватое, как хлеб. Мазанки, похожие на большие куски каменной соли. Старушка издалека похожая на беззаботную, даже веселенькую тряпичную куклу.

Машина пошла медленнее. Блок-пост. Трехцветный флаг воткнут между сложенных стопкой шин. Мальчишеские фигуры, озорные окрики, машущие загребущие руки. . .

И был город, и площадка возле какого-то армейского здания – широкие бело-голубые плакаты из недавнего прошлого требовали «Захист Вітчизни». Все прибывшие плотно кучковались, как бы робея, стараясь не стоять поодиночке.

Зато по центру площадки разминались чеченцы, каждый – видный, подарочный. С хрустом играли плечами, опирались на автоматы, как на костыли, посмеивались, черно, рыже и седобородые. Они перед кем-то рисовались. Обернувшись, Илья увидел заброшенный недострой, бетонные блоки с оконной пустотой – хорошенькое место для снайпера. А чеченцам будто бы и нравилось – дразнить темноту квадратных провалов. . .

* * *

Когда началось, все время читал новости. . . Подумывал ехать в Крым. Одессу не давал Полине смотреть, и сам отворачивался. Он и Донбасс не мог смотреть. Из жалости. И не мог не смотреть. И так хотелось прорваться через линзу телевизора. Через границу.

– Ты даже в армии не служил.

– Стрелять я умею. Я в тире всегда круто бью.

Прошлым летом были с ней в Одессе недельку, поливали лимоном барабульку в кафе на Ланжероне, и ничто, как говорится, не предвещало.

На войну подбил Серега, приятель со студенчества. Свел с движением добровольцев. Тоже собирался. В последний момент не смог. А Пушкин бы поехал, Иван, обязательно, несомненно, по любасу бы, но этот друг в земле. Уже скелет, наверно.

Илья, никого не предупредив, однажды майским утром собрал рюкзак, улетел в Ростов.

Полине сказал, что в Вологду, по делам издательства. Поверила: у него случались командировки.

И вот он здесь.

– Купол, – статный лысый мужчина, задержав, взвешивал рукопожатие.

– Вампир. Туман. Элвис Пресли, – звучало негромкое. – Ангел. Пятерочка. Самурай.

– Веселые клички, – паренек-новичок, дергая узким плечом, подтягивал автомат.

– Клички у собак, – хмуро-привычно поправил Купол.

Точно: голова как купол, круглая и нагая.

– А ты кто будешь?

– Не знаю...

– Незнайка, что ли?

– Позывной каждому нужен, – участливо объяснил старшой бородач, с которым пересекали границу. – Я Батон, можно Батя. Давай соображай: какой твой позывной?

– Ой, мне без разницы, – Илья растерянно заулыбался. – Любой подойдет... Не, ну серьезно, любой...

– Нормальный позывной, – разрешил лысый. – Пусть так и будет.

– Как?

– Теперь ты Любой.

– Почти любовь, – определил старшой.

* * *

Он лежал на матрасе в большом подвале после риса с тушенкой. Электрический свет из коридора тек в открытую дверь. Слева всхрапывал какой-то богатырь. Справа переговаривались. Один шептал настойчиво, немного шепеляво, будто шуршал целлофаном (Илья сразу дал ему позывной Целлофан), другой отвечал в голос, но приглушенно, смутно, как в бутылку:

– Пионер... У него в Краматорске правосек друга зарезал. Ну, он к нам.

– Зря он жестит. А все же надежный. Мало таких... Молодежь не идет...

– Есть, но мало.

– Только те, кто в Союзе жили... Они понимают, шо почем. Вот меня возьми. Я гроз четвертого разряда*. Сечешь? Так-то. Отец гроз и дед гроз. У нас забой да забой. А у молодежи шо? Забей да забей...

– Давно войны народ не нюхал!

– И ты заметь, все эти годы – мир и покой, а люди звереют! Раньше про собак говорили: сука, кобель. А теперь как? Мальчик, девочка... А сами звери!..

Илья усмехнулся сквозь побеждавшую дрему. Перед закрытыми глазами сверкал звездопад.

Ему снилось что-то детское. Он бесконечно тонул в мягком свете, качаясь в гамаке, тонул и качался, и дальше тонул. Повернувшись на бок, сквозь слипшиеся веки увидел бронези-лет, автомат, берцы, сначала размыто-сказочные, но стремительно обретавшие неотвратимую жесткость.

* * *

В тех же грузовиках прикатили к площади, полной народа, и выстроились с краю. На площади люди кричали хором, по складам, просительно, жарко, запрокидываясь и высоко размахивая флагами. Они кричали: «Россия!».

Женщины побежали к грузовикам, наперегонки, с цветами. Возле Ильи у бокового борта стояли все в масках и хватали стебли перчатками. Илье достался махонький и невинный, с закрытым розовым бутонем мак, похожий на мышонка. Его протягивала не первой молодости тетка с красиво-горемычным, как бы вспухшим лицом, большим влажным ртом и большой грудью, взбудоражено гулявшей под синим платьем. Распущенные волосы ее были светлыми, но пока она тянула цветок, Илья увидел взлипшую подмышку с темными водорослями и подумал, что голова крашенная.

Побросали цветы на дно, по команде подняли вверх автоматы, перевели на одиночные и начали стрелять – залп, два, три... Это он умел.

Женщины отбежали обратно в толпу, которая перестала кричать и бессвязно бормотала. Салют по мертвым. Илья, дергаясь щекой на грохот, давил на гашетку и опять вспомнил друга, найденного в Филевском парке у тополя в первом пуху в петле из провода.

«Вот и пострелял», – подумал, нагибаясь за цветком, и обжег пальцы о дымившуюся гильзу.

* * *

На рассвете отправили в аэропорт.

Батон шутовским жестом протянул к дверям автомат, они услужливо разъехались, и Илья вошел вместе со всей группой.

Те, кто проник раньше, казались пассажирами, ждущими ранний рейс. Слонялись, отражаясь во внутренних стеклянных конструкциях и промытых витринах, за которыми было еще темно, вчитывались в электрические икринки табло, сидели на рюкзаках, правда, все были вооружены, а некоторые курили назло табличкам на украинском и английском.

Пустые стойки... Ни милиционера, ни уборщицы...

Длинный тип в черной пиратской косынке подошел к стене с высоким серо-стальным барельефом (приветный старик в очках) и продекламировал нараспев:

– Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев.

Батон иронично икнул куда-то в ключья бороды.

– Му-му-мум-му-му-му! – вдруг запел длинный. – Му-му-му-му-у-у! – И торжествующе возгласил: – Любовь к трем апельсинам!

– Не слышал о таком извращении, – Батон отечески осалил его по плечу. – Короче, обстановочка, – он понизил голос, притягивая к себе группу. – Там, в том терминале... – перчатка показала в отточено-полированную даль, – спецназ кировоградский. Они нам на фигне нужны. Пускай в Киев улетают на своем литаке... А они и не против. Все будет хорошо.

– Да мы даже не сомневаемся! – громко сказал Илья, и его поддержало несколько хохотков.

Время текло вяло и сонно, но когда солнце засветило вовсю, началась движуха. Купол, зашуршав какими-то картами, позвал Батона, и тот стремглав повел отряд за собой.

Пробежав несколько пролетов вверх, Илья вынырнул из люка под слепящее пекло.

И тут они были не первыми – на широкой крыше расположилось человек двадцать автоматчиков.

– Загораем, пацаны, – Батон поймал в кулак бороду, будто сейчас сорвет, как ненужную в этих краях шерстяную вещь.

Метров за сто на такой же башне копошились вражеские фигурки, передвигали железки...

– Знаете, чем мы отличаемся? – засипел, садясь на корточки, седовласый мужик в тельнике. – Мы идейные, а они по приказу.

– Среди укропов идейных хватает, – опроверг Батон. – Под Волновахой одного взяли, плачет, сопли утирает, а все долдонит: «Я прав»...

Длинный в косынке (Илья забыл его позывной) раскачивался на джинсовой ноге и пел в телефон:

– Мамуль, я дома. Где-где? В Ялте! Это я симку сменил, старый сломался, мамуль! На днях заеду! А? Мамуль, ты их не таскай! Приеду, вместе на рынок ходим! А? Чего ты, мамуль?

– Эй, упадешь! – окликнул его осетин, мохнатый шар (позывной Гром), напряженно занявший место возле станка с гранатометом.

Тот приложил острый палец к губам и так же на одной ноге сделал несколько скачков от края.

– Мать в Мисхоре, – объяснил жалобно, – думает, троллейбус вожу. А может, и не верит. Мамку никогда не обманешь.

– Извини, – вспомнил Илья важное, – дашь позвонить? Я коротко!

Полина подошла с первого гудка.

– Привет, – сказал он, и неожиданно для себя выдал: – Я на Д.

Почему-то так произнеслось.

– Где?

– На Д., – сказал он тверже, и замолчал. – Мне нельзя здесь много разговаривать.

– Что ты молчишь?

– Смотри про нас в новостях, – и разъединился.

Подожвы скрипели гравием, обильно покрывавшим крышу. Голову пекло, по лицу струился пот, следовавший дальше, по шее, по ключицам. Дебильное солнце! Если разуться, наверняка этот гравий будет жечь, как угольки.

– Твоя! – длинный протянул трубку.

– Сбрось, – Илья замахал руками, – не подходи...

– Минометы, снайперки, ПЗРК... – Батон изучал вражескую сторону, приложив к глазам здоровенный, как две сложенные гири, бинокль. – Ниче, мы повыше ихнего сидим!

– А выше нас никого? – надтреснуто спросил человек в защитной гимнастерке (позывной Кобра, а Илья дал бы Вобла), заветренный видок доходяги и свежая георгиевская лента бантом на рукаве.

– Сверху только Бог, – отмерил Батон рассудительным тоном бармена.

– Это понятно... Я ж не про то... – Кобра засмутился. – А сверху-то нас не того?... Сверху-то, а?..

– Разве ворона прилетит... Так если пометит – это к славе! – Батон мягко пошел к нему, переложив автомат из правой в левую, принаравливаясь хлопнуть по плечу. – Аэропорт новенький. Столько бабок вбухали... Кому надо такое добро ломать?

– Внимание! Друзья! А мы ведь толком не познакомились! Предлагаю на этом вынужденном пляжу... пляже... – Длинный, сияя, обводил всех острым пальцем. – Вот ты! Откуда?

– С Макеевки, – буркнул Кобра, но вскинул глаза: лицо на миг оживилось, пополнело.

– Кем работаешь?

– Сталеваром.

Батон опять приложился к биноклю, направляя его куда-то вверх, в безоблачную температурную синь.

– Что же привело вас на наш холостяцкий пляж? – Длинный играл своим указательным в микрофон.

– Как шо? – Кобра вновь проглотил щеки. – Затрахаля. Всю жизнь мозги трахают вместе с языком. Хоть дети отдохнут.

– Слыхал анекдот? – неизвестно кого спросил осетин. – Встретились в пустыне лев, козел, лис и спорят: кто главнее. Нет, погоди, не козел, перепутал. Лев, лис... И кто? Погоди!

– А что здесь забыл москвич? – Неугомонный палец целил в Илью.

– Он не москвич, он Любой, – зевотно сообщил седовласый мужик в тельнике, все сидевший на корточках.

– Точно! Любой! – Палец дрыгнулся. – Прикольное погнало!

– Да, я любой, – сказал Илья раздельно. – На моем месте мог быть любой... Любой русский человек...

Длинный выхватил телефон из кармана:

– Алло! Мамуля, не звони, я за рулем! Осторожно, двери закрываются! Я сам перезвоню!

А Батон как выпал из трепа, так и молчал, не отрываясь от бинокля и водя им по небу, словно в поисках малейшего облачка.

И вот что-то серое показалось в синеве.

– О! – возликовал осетин. – Слушай сюда! Лев, осел и лис! Осел такой...

Вертолет наполнил небо рокотом. За вертолетом шел серебристый штурмовик. Зарычали, забранились, и сразу стало не до слов.

Вспышка. Подкинуло, оглушило, повалило, осыпало острым гравием, все заволокло черным дымом, рокотало небо, новая вспышка, таранный удар потряс основания башни...

Он ринулся в люк и покатился вниз за остальными. Там все горело, и орало, и дергались тела... И кто-то палил зачем-то в остатки стекол, которые осыпались, и выбегал, и падал, потому что лупили отовсюду – и снайперы, и минометчики, а самолет, и вертолет, и еще один вертолет заходили на новые круги...

Он никого не узнавал и плохо понимал:

– Пушкин...

– Нурсами...

– Летит, летит, летит обратно!

– Десант сажают... ПЗРК сюда!

– Нету... Не взяли!

– Миномет давай!..

– Нет взрывателей...

– Любой! Ты чего не отвечаешь? – Батон, безумный, в кроваво-дымящейся одежде, с опаленной бородой, таранился на него. – Марш на крышу! Раненых забирать! Любой! Я тебя прикончу!

– Что? – очнулся Илья.

– Ты что? Как тебя зовут? Любой!

– Я – свой! Свой я!

– Ты – Любой!

Но до крыши им не дал добраться новый удар...

Потом, доползая по осколкам в конец зала, он помогал чеченцам крушить стойки, отчаянно и стремительно, не зная для чего, потом запалили костер («Маскировка дымом!» – закричал кто-то, и это объяснение надеждой застучало в висках). Обжигаясь, тащили горящие куски пластика к проемам и кидали наружу. Потом бежали к грузовику.

Его ударило в ногу, выше колена, он упал, и стало смеркаться, и было спокойно, только услышал как бы сквозь нарастающую воду:

– Режь штанину.

- Не до этого... Тащи.
- В яйца метил.

Очнулся, трясло. Рядом с забинтованной головой лежал щекастый повар, розовый пузырь качался на губах. Глянул мутным глазом, подмигнул. Теснота от тел.

Илья не знал, что несется в грузовике, доверху груженном ранеными, а через минуту накроют огнем.

И тогда он окончательно забудет, как его зовут.

Кирилл Рябов

Родился в Ленинграде в 1983 году, в рабочей семье. Издал книги: «Стрельба из настоящего оружия» (2008), «Сжигатель трупов» (2013, Ил-Мюзик), «Клей» (2015, Ил-Мюзик), публиковался в журналах «Нева», «Октябрь». Дважды номинировался на премию «Национальный бестселлер» (2014, 2016).

Суки

В дверь позвонились. Конев открыл. На пороге стоял мужчина средних лет в милицеевской форме.

– Конев? – спросил он.

– Точно, – ответил Конев.

– Моя фамилия Захаркин. Я ваш участковый.

– Новый, что ли? – спросил Конев.

– Нет, почему же? Я тут уже третий год...

– А, просто я-то вас ни разу не видел, – сказал Конев.

Захаркин пропустил это мимо ушей.

– У меня к вам дело.

Утром Конев созвонился со знакомой библиотекарейшей и уломал на свидание. Потом надел штаны и пошел в магазин. В очереди он слегка подрался с одноногим пенсионером. Тот подкатил к кассе нагруженную тележку и попросил кассиршу каждый товар пробивать отдельным чеком. Конев, у которого было только две бутылки вина и упаковка презервативов, сказал одноногому, что он офонарел. Одноногий ответил костылём. Прибежал охранник. Они втроем немного потолкались, но всё закончилось хорошо. Дома Конев не спеша выпил одну бутылку. Библиотекарейша должна была прийти с минуты на минуту.

– Я сейчас занят, – сказал Конев.

– Это много времени не займёт, – сказал Захаркин, глядя почему-то Коневу на ширинку. – В паспортном столе обновляли базу, а там оказалось, что вы тут не зарегистрированы.

– В каком смысле?

– Ну, в прямом, – ответил Захаркин. – Нет вас здесь. У вас паспорт далеко? Давайте сходим, уточним всё.

– Я пил, – сказал Конев.

– Да это ничего, – улыбнулся участковый. – Берите паспорт, делов на пять минут.

– Ладно, хорошо.

Конев взял паспорт, и они пошли. Отделение было рядом. В дежурной части на полу лежала пожилая женщина. Никто не обращал на неё внимание.

– Что это с ней? – спросил Конев.

– Да чёрт его знает! – рассмеялся Захаркин.

Он ткнул тело носком ботинка и спросил у дежурного, сидевшего за массивным стеклом:

– Что за нахер?

– Сейчас за ней машина приедет, – ответил дежурный.

Захаркин повернулся к Коневу.

– Прямо по коридору, пожалуйста.

Они прошли по коридору.

– Сюда, – остановил Захаркин.

На двери кабинета висела табличка: «Комната рассмотрения».

– Это не паспортный стол, – сказал Конев.

– Ничего, ничего, заходите.

Конев вошёл. В кабинете сидели двое мужчин в штатском. На вид им было лет по тридцать.

– Привет! – сказал один дружелюбно.

Он был невысоко роста, пухлый, с короткой стрижкой.

– Проходи, садись, – сказал второй.

У этого были рыжие волосы.

– Ты же Конев? – спросил пухлый. – Константин Андреевич, так?

– Ну, – сказал Конев.

– Ты не нукай, олень!

Рыжий встал и отвесил Коневу резкую, горячую пощечину.

– Руки покажи! – сказал пухлый. – Руки покажи мне.

Конев вытянул перед собой руки, показал ладони. Тут же на запястьях защелкнулись холодные браслеты. От неожиданности он икнул.

Рыжий ударил его носком ботинка по голени. Стало жарко и больно. Тут же все трое схватили его, словно решив разорвать. Пухлый цеплялся пальцами за лицо, будто хотел сгребастать его и стянуть как маску. Рыжий несколько раз ударил в поддых, а сзади приложился Захаркин. Конева усадили на стул.

– Когда я говорю садиться, надо садиться.

У него мелькало перед глазами, болела нога, и лицо пылало от прикосновения чужих пальцев.

– Тихо, тихо, – сказал пухлый. – Не бойся. Будешь бояться, я тебе ебальник разобью.

Он сказал это почти дружелюбно.

– Двенадцатого числа на встречу ходил? – спросил рыжий, потирая кулак.

– Какую встречу? – выдавил Конев.

Кулак тут же прилетел в ухо. Конев подпрыгнул и затряс головой.

– Вопросы нам не надо задавать, – сказал пухлый одобрительно поглядев на рыжего. – Двенадцатого числа, то есть на прошлой неделе. Что там у нас было? Пятница? Так вот, двенадцатого, в пятницу на ваш уебищный завод приезжал президент. Было?

– Было, – простонал Конев. – Я его хотел сфотографировать, но мне охранник чуть руку не сломал.

– Перед встречей с рабочими, кто-то пробрался в цех и сделал это...

Пухлый достал из кармана фотографию и показал Коневу. Там была стена, а на ней большая надпись краской: «Старые разьебаные суки».

– Узнаешь? – спросил Рыжий. – Думал, не найдём, диссидент хуев?

В этот момент Конев подумал о библиотечарше. Должно быть, она сейчас стоит под дверью и жмет звонок. Или спускается по лестнице, выходит из подъезда и хлопает дверью. А может, она ещё и не пришла?

– Это не я, – сказал Конев.

– Мы его забираем, – сказал пухлый Захаркину.

– Да хоть расстреляйте, – ответил тот. – Мне-то что?

Его подняли и вывели. На улице ждала машина. Пухлый сел за руль. Рыжий толкнул Конева на заднее сиденье.

– Не выспался вчера, – сказал Пухлый, вырulingивая со стоянки. – А когда я не высыпаюсь, потом весь день псу под хвост. У тебя такое бывает?

Его завели в кабинет.

– Садись.

Конев сел на стул. Рыжий устроился за столом напротив, а пухлый остался стоять за спиной. Это нервировало. Не выдержав, Конев оглянулся и тут же получил крепкий подзатыльник.

– Не верти башкой, – сказал рыжий. – На меня смотри. На меня смотри, я сказал!

Конев посмотрел на него.

– Рассказывай, – сказал пухлый. – Давай, не бойся. Говори всё, как есть. Как настоящий, не ссыкливый мужик.

– А что рассказывать? – спросил Конев.

И тут же получил сзади по шее.

– Тебе блядь сказали, чтобы вопросы не задавал?!

– Аккуратнее. – Рыжий поглядел на напарника. – Помнишь, у того мудака рука отнялась? Не бей его по шее больше.

– Да этот-то здоровый, – засмеялся пухлый.

Конев вдруг подумал, что библиотекарша уже точно ушла. Такая лапочка. Теперь черта с два согласиться к нему прийти.

– Кто тебя надоумил написать эту парашу? – спросил рыжий.

Пухлый положил на стол фотографию.

– Никто не надоумил, – сказал Конев.

– А, то есть, то, что это написал ты, ты больше не отрицаешь, – сказал рыжий. – Уже хорошо.

– Погодите. Я этого точно не писал. Когда нас привели в цех, там уже это было, – ответил Конев. – Да вы спросите у мужиков. Я все время с ними был. Нас же никуда не выпускали. Везде охранники стояли.

– Ну, правильно, – кивнул рыжий. – Поэтому ты ещё с вечера зашёл в цех и написал.

– С вечера? Меня там и не было вечером.

– Значит днём, какая разница? Говори, опарыш, кто подговорил написать эту хуйню? Эту грязную, подлую хуйню!

– Никто меня не подговаривал, – выдавил Конев.

– Может, мастер ихний? – подал голос пухлый.

– Мастер, думаешь? – ответил рыжий. – Да ну, вряд ли. Он же старый пердун и алкаш. Хотя... Ладно, пусть будет мастер. Как там его звать?

– Мастеру-то зачем такое? – удивился Конев. – Он через два месяца на пенсию уходит.

– Как его зовут? – спросил рыжий.

Конев вдруг понял, что забыл имя мастера. Первый раз за девять лет. А своё имя? Нет, своё имя он помнил.

– Как мастера зовут? – повторил рыжий.

– Я... Я... Не помню.

– Да ты что, охуел совсем? Мы с тобой по-хорошему, как с мужиком, а ты... Нет, слушайте, это пиздец просто! – Рыжий даже засмеялся. – Ладно.

Он открыл сейф и достал оттуда полиэтиленовый пакет с надписью «Пятерочка». В пакете лежала странная штукавина, похожая на автомобильный аккумулятор, но меньшего размера. Из штуковины торчали провода. Рыжий положил штуковину по левую от себя руку, а пакет по правую.

– Так вот, – сказал он. – Сыворотку правды нам сегодня не завезли. Поэтому...

– Ты что выбираешь? – спросил пухлый. – Подключиться к интернету? Или сходить в магазин?

– Я это...

Конев не знал, что сказать. Его стало тошнить. Пока не сильно.

– Начнем с магазина, – сказал рыжий.

Ему накинули пакет на голову. Рыжий держал за плечи, а пухлый умело затягивал полиэтилен. Нечем дышать! Нечем дышать! Нечем дышать! Конев сучил ногами. В ушах шелестело, и казалось, что полиэтилен прилип прямо к глазам. Он начал терять сознание, но неожиданно всё закончилось. Ему дали небольшую передышку.

– Вспомнил имя мастера?

– Вы что, не можете на заводе узнать? – прохрипел Конев, закрыв руками глаза. Казалось, они сейчас выпадут.

– Я хочу, чтобы ты мне сказал.

– Давай, ты теперь, а я подержу, – сказал пухлый.

Пытка повторилась. Конев пытался ухватить полиэтилен зубами. И тут он вспомнил это египетское имя мастера.

– Романцев, – прокричал Конев на вдохе, когда пакет сняли. – Олег Иванович.

– Ну вот, стоило выебываться? – спросил пухлый ласково. – Давай, Саша, пиши.

Рыжий достал бумагу и стал что-то писать. Конев смотрел на него.

– Не смотри на меня, – прервался рыжий.

– Вы же сказали, смотреть.

– А теперь говорю, чтобы закатал бельма...

Пухлый отвесил подзатыльник. Но легкий. Скорее, для порядка. Рыжий закончил писать и положил эту писанину перед Коневым.

– Подписывай, – подмигнул он. – Давай. С моих слов записано верно, и автограф.

Конев стал читать. Почерк был мелкий, корявый, буквы лезли друг на друга. Будто писал первоклашка. Но смысл дошёл быстро. Романцев вёл публичную пропаганду против действующей власти. Конев, наслушавшись этих речей, решил устроить акцию. Он изготовил на своём станке взрывное устройство...

– Да что за хуйня? Какое устройство? – закричал Конев.

– Устройство ты заложил под трибуну, но его нашли, – сказал рыжий. – Ну, и надпись оставил. Это типа вишенка на торт, хехе.

– Какой торт? Зачем бы я туда вообще пошёл, если бы бомбу подложил?

– Так ты, наверно, камикадзе, падла! – сказал пухлый. – Бери ручку.

– Нет, – ответил Конев.

Стул вылетел из-под него будто сам по себе. Конев больно ударился копчиком. Он попытался встать, но не успел. Удары посыпались со всех сторон. Словно били его не двое, а четверо или семеро.

– Я – Тайсон, я – Тайсон, – повторял пухлый, молотя кулаком по ребрам.

Конев сумел перевернуться на живот. И неожиданно всё закончилось.

– Давай интернет, – послышался голос рыжего.

Пухлый принёс шутовину с проводами. С Конева стащили брюки и трусы.

– Ты гляди, какие у него огромные шары.

Один провод прицепили к крайней плоти, а другой к мошонке. Рыжий покрутил маленькую ручку на шутовине. Боль была страшная. Будто засветили кирпичом или ботинком или палкой с гвоздями. Конева выгнуло, на пару секунд он потерял сознание, а когда очнулся, почувствовал, как изо рта что-то вытекает.

– Надо напряжение убавить, – сказал пухлый. – А то все причиндалы ему спалим.

– погоди, – ответил рыжий. – Слышь, будешь подписывать протокол допроса?

– Дайте воды, – прошептал Конев.

– Эй, ты дурак, что ли? Ты же под напряжением. Какая вода?

Конев почувствовал запах паленого. Он боялся дотронуться до мошонки, боялся посмотреть туда. У него тряслась голова, тряслось всё тело, но голова особенно сильно.

– Давай, подпиши и пойдёшь...

– Куда? – спросил Конев удивленно.

– В камеру, не домой же. Ты что, ебанись! Ты же диверсант!

Рыжий покрутил ручку. Конева трясло мелкой дрожью, у него закатились глаза, изо рта поползла новая порция пены. Это повторилось несколько раз. Потом рыжий и пухлый устроили перекур. Они стояли у окна и тихо разговаривали.

– Саш, не хочешь в субботу в баню сходить? – сказал пухлый.

– Только вечером. Мне утром надо детей к теще отвезти в деревню, – ответил рыжий.

– Ну, ясно, что вечером.

– Слушай, а ты слышал про Ковалёва?

– Что такое?

– Ну, он листовки напечатал, что-то там про черножопых, и отправил какого-то слабоумного расклеивать. А сам в машине сидел. А тот листовки скинул и убежал. Ковалёв за ним побегал, побегал. Короче, взял эти листовки и пошёл сам ночью клеить. А тут его пэпээсники прихватили. У него с собой ксивы не было. Короче, сам чуть не пошёл за экстремизм...

– Хаха, вот мудак-то.

Потом они вернулись к Коневу.

– Ну, что, гнилой урод, будешь подписывать?

Конев взял ручку. В голове у него всё перепуталось. Эти стояли над душой и смотрели. Но он взял себя в руки насколько мог и быстро вывел поперёк текста: «Старые разъёбанные суки».

(Из сборника «Сжигатель трупов»)

Владислава Броницкая

Родилась 07.11.1975 в г. Харькове. Ранее публиковалась на интернет-ресурсах. Лауреат сайта «Российский писатель» – 2016 в номинации «Новое имя».

«Мою страну стирали морем бед...»

Мою страну стирали морем бед
До выжженных имён, и вырванных страниц,
Разбитых алтарей, украденных побед,
Оплеванных могил и вспоротых границ.
Пусть нет её, пусть больше нет её,
Ни смыслов, ни надежд её, ни вер...
Безродное продажное ворьё,
А Родина моя – СССР.
Я к ней в любви нелюбящих правей.
Слёз – звезд рубиновых – пылающая влага
В крови моей, и множеством кровей
Кровь красного растерзанного флага.

«Мой город отчуждён до давящих пустот...»

Мой город отчуждён до давящих пустот.
Он вывернут, перелицован, выжжен...
До знаков уличных нарезок он не тот...
Зеркально-струйный ли, осенне-рыжий...
С январской сказкою под снежной паранджой...
Помечен в каждой части, как чужой...
До сбитых звёзд, до свергнутых гранитов.
В нём всё моё распято и убито.
Мой гордый, героический, мой звонкий...
Чужие песни режут перепонки...
Слова чужие повисают плетью.
Чужбиною в разлом тысячелетья...
Моя земля...
Которая чужая,
Святое всё давя и унижая,
Пальбой по журавлям.
Солдатам, что за землю насмерть бились,
А в смерти, в небеса ожуравлились.
Повторно убиваются обманом,
Сжигающим, что было звёздным, светлым...
Моим. Со мной. Во мне Святые пеплы.
В глубинах духа Марианской раной.
Страшнее бурь так стынуть в мёртвом штиле.
Средь мёртвых лиц, которым по Сатурну
Рубиновость, разрывность слёз Донбасса.
Так нестерпимо, как представить Тиля,
Который потрошит и сыплет в урну
Болящий и кричащий прах Клааса.
А после, к палачам и паразитам,
Отцеубийцам,
Холуйствуя, идёт иезуитом.
Как страшно. Удавится.
В петле забыться.
Как-то умереть,
Стирая память, и не помня впредь.
Всех отчужденнее сиднеев и сиэтлов,
Чужбиннее моя земля. Но светлым
Вновь грянет мир. И как тогда мне в петлю?
Я буду жить, святых хранитель пеплов...

«АН, МУЗА РАЗУМНА. [ЛЕЗУ В УЗЕЛ] палиндромов...»

АН, МУЗА РАЗУМНА. [ЛЕЗУ В УЗЕЛ] палиндромов.
А ЛУНА КАНУЛА. [ЛУНУ КОЛОКОЛ ОКУНУЛ].
И ТЕ СЕТИ? Любовь?
Обострение всех синдромов.
КОСИ В ВИСОК. [ТЕНИ НЕТ].
Ты ни разу не обманул.
Стокгольмский синдром – плакать за палачом.
Если держит в заложниках у тоски
три столетних недели.
ОКОЛО МЕНЯ НЕ МОЛОКО. [А МЕЧ ЗАЧЕМ?]
Ты совсем не при чем,
Что мучительно сладкий косит синдром Адели.
ЯД ЕМ, КАК МЕД Я. Раздираю твоей нелюбовью раны.
Горю твоим именем. ОГОНЬ – ИДЕАЛ ЕДИНОГО.
ТЕЛУ МАЛ АМУЛЕТ.
Телу жмут и огромные страны.
ГОРОД И НЕТ ТЕНИ ДОРОГ забывения длинного.
И кошки скребутся, и воют волки – некормленный зоопарк.
А ТЫ САМА СЫТА? [ШАБАШ] ему, ШАЛАШ, отрешенная
мать.
НА ГРАНИ ОРГАН. Обострился синдром
Жанны д'Арк.
Это значит, тобою плененная, буду тебя спасать.
ВЕДЬМЕ СЕМЬ ДЕВ. Во мне семь дев
и сто воинов.
АНАРХИЯ ИХ РАНА. Я спасу тебя от врагов.
Даже, когда расстроена,
заклинаниями раскроена.
БОЛИТ И ЛОБ. Все пути выгорают огнями снегов.
Вдруг погаснет луна, а в Байкале не станет нерп?
Мы не психи. МЫ – ДЫМ. [АТАКА ЗАКАТА].
Ты не царь. ПРЕСТОЛ ОМУТ, ЧТУ МОЛОТ И СЕРП.
МИР И РИМ. Я Ярилом явлюсь,
если тронет тебя Геката.
Судьбы ЗАКАЗ. И чёрту ДОВОД. Но не измена.
ТЕНИ НЕТ. Любимейший из палачей.
Многомерный синдром мой
с синдромом Питера Пена.
Ты ничей...

«Медным лбам не пройти медных труб...»

Медным лбам не пройти медных труб.
Толоконным лбам
не придумали труб толоконных...
Иерихонской трубы криком,
выстрелом с мёртвых губ...
В снах Царьграда Луганского,
семизвонных, семиоконных...
Для Донбасса не вновь кровью русской
на арамейском светить листы.
Вифлеемские бьются звёзды о террикон.
Снова предан и продан Мессия.
Если путь у России за весь мир выносить кресты,
То Донбасс сейчас больше всего Россия.

Сергей Спайкер

Сергей «Спайкер» Сакин родился в 1977 году в Москве, количество городов и мест обитания затрудняется назвать. Написал в соавторстве роман «Больше Бэна» (премия «Дебют» 2000 года в номинации «Крупная проза»). Автор нескольких книг (точное количество затрудняется назвать), сценариев полного, короткого и ТВ-мыльного метра (точное количество затрудняется назвать). Автор романа «Умри, старушка!».

Вводная

Примечание: в тексте использованы цитаты из песен групп «Алиса» и «25/17».

Прошло время, когда я искренне считал себя выдающимся, «настоящим» писателем. Прошло – и слава Богу. Исцелению от мании величия способствовало то, что в какой-то момент я стал не просто много читать, а читать осознанно, следить за новинками в книжном мире итд итп – и обнаружил, что Ремарком и Веллером литература не ограничивается. Мы имеем счастье жить в одно время (и даже в одном пространстве) с настоящими гениями словесности. (Некоторые из них поучаствовали в данном сборнике). Это открытие поразило меня скорее неприятно – сопоставив масштабы дарования, я надолго повесил перчатки на гвоздик. К тому же прекращение систематического употребления одурманивающих веществ способствовало приобретению адекватности самооценки.

Последние годы снова активно пишу – в основном, разумеется, публицистику (оно попроще) Искренне думал, что к словесному творчеству не вернусь. Но вот когда меня вдруг спросили: «А нет ли у тебя прозы какой, еще не опубликованной?», – я ответил без раздумий: «Конечно! Да...» (Хотя на тот момент никаких готовых строчек у меня не было. Они родились и вылились на экран походного ноутбука мгновенно – значит, созревали давно, прочно и основательно).

Заявленная тема сборника – «Революция». Так у меня как раз об этом. О самой серьезной и суровой революции, в которой сшибаются в схватке горные и низкие силы, в которой рушатся и создаются космосы. О революции, в которой не может быть полумер, в которой нельзя выиграть наполовину, получив частичные политические уступки или процент кресел в местной Думе. В этой революции не получится теплохладно отсидеться в деревне, бережно поглаживая надежный обрез, лежащий на коленях.

Эта революция имеет еще одно название, греческое – «метанойя», и она происходит в душах человеческих. Хотя протуберанцы этой революции выплескиваются из тонких миров в наш материальный – иногда шокируя, а иногда радуя обывателей. О преображении человека и о пламенных революционерах-преобразователях я и попробую рассказать.

Разумеется, все обстоятельства, события, персонажи – вымышлены. Не пытайтесь с ними познакомиться или найти географические привязки. И то, что повествование ведется от первого лица – не более чем профессиональная лень. Тем не менее, всё, что расскажу – правда.

Скажете, так не бывает? Сам знаю. Но иногда – случается.

Доноры

Застряли мы в Залесье. Теперь тамошные края – первая любовь моя, вторая родина. Количество людей, которые, родившись в здешней тьмутаракани, непосредственно повлияли на ход мировой истории, сильно выходит за рамки статистической погрешности. Тогда я этого не знал. Я вообще тогда ничего не знал и не понимал. А проходку в монастырь получил так: меня представил иеромонаху отцу Георгию общий знакомый. Представляя, рассказывал, что человек я крайне положительный, трудолюбивый, особенно – в книжных премудростях. И говорил он это так, как единственно может говорить человек, сам никогда не читавший книжек и не отличавшийся усидчивостью в любом из дел человеческих. Поэтому о. Георгий слушал знакомого не то, чтобы невнимательно, но с некоторым трудно уловимым сарказмом, похожим на фигу в рукаве рясы. На меня же, впрочем, смотрел с любопытством. И в полуулыбке его было что-то знакомое – буквально знакомое, чуть ли не географически. Как будто мы в одной школе учились, но в разных классах.

– Начитанный, значит? – спросил святой отец, дослушав хорал в мою честь.

Я неопределенно пошевелил верхней частью тела.

– А скажи-ка, отчего поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем? – быстро спросил отче.

– Из-за гусака – среагировал я и припомнил как смог – «Рот его сделался ижицею»

– Десять лет этот вопрос задаю... – неопределенно прокомментировал иеромонах, и я был отправлен в братский корпус. Этот корпус и это братство заслуживают отдельных строк – отдельно и расскажу.

Первым моим послушанием было выкопать яму – точнее, штольню. Копать по стене собора, пока стена не закончится – то есть определить глубину фундамента. Монастырю, на всякий случай, исполнилось тысяча лет. Собор соответствует. Я взялся за лопату, не в полной мере осознавая масштаб работы. Однако что-то во мне чутко завибрировало – и тревога, и предвосхищение чего-то важного и каких-то разгадок. Я рыл и копал – ощущая, что делаю это для себя. Как будто я дерево, которое должно пустить корни – и чем глубже будет яма, тем надежнее мне будет расти и ветвиться дальше. И еще что-то важное напоминало о себе в клетке ребер, я никак не мог поймать, что именно. Поймал, только когда яма стала глубже моего роста, и из этого узилища можно было наблюдать только кусок ясного и близкого северного неба. Я вспомнил, что уже был здесь.

15 лет назад небо было точь-в-точь такое же. Именно это самое небо, не ошибешься. 15 лет назад на Купалу, в ночь на 22 июня совсем близко от моей ямы собралась солидная банда бритоголовых. Да, тех самых – брутальных нс-скинхедов. Меня недавно олдскульным назвали – ну так вот среди тех парней я был салагой. Мальчиком на побегушках за пивом. Состав подобрался могучий – представлялись и проставлялись сразу несколько нордических стран. Звучало и немецкое карканье, и скандинавское пюре во рту, и финно-угорское соловьиное щёлканье. И над всем этим реял флаг вермахта. Местные-деревенские приезжали на мотоциклах и с дробосралом – ну так парни из нашего лагеря подошли навстречу на предмет поинтересоваться калибром. Руки у них были в карманах. Местные растворились – небо окончательно стало наше, тру нацистское. Как и всё под небом.

Мы всерьез тогда готовились не то к уайт-пауэр-революшен-уорлд-уайд, не то к гражданской войне – хотя не каждый был готов стать камикадзе. (Но некоторые все же стали). Каждый из нас ничего не боялся и ни во что не верил – а что нам надо, мы брали обыкновенно сами. Такое вот случилось в России разбитое наголову поколение, 70-х годов рождения...

Наци-Купала в Залесье – это была такая конспирологическая пре-пати к Белому Восстанию. В перерывах между возлияниями и прочими ведическими излишествами (девушки с нами тоже были, и... – ух, какие это были девушки!!) мы шарахались по окрестностям. Местные уже не высывались, а мы, являя собой нордическую культуру, тоже щщи не квасили и сельпо не грабили. Разве что местный кремль обоссали. Или это был не Кремль, а монастырь? В общем, какой-то белокаменный пряник – уместно довлеющий над пейзажем. Мы сходили и к «прянику», отлили на стены и вернулись прочь. Кто в масквабад, кто в Берлинотурецк. Уайт-пауэр-революшн не то, чтобы не состоялась – но отложилась. Копит силы. Некоторые из участников той вечеринки ныне мотают сроки – кто по 20 лет, а кто и полный пыжик...

А я ухитрился пролететь арбузной коркой... Лёгкие, но одновременно весомые облака сдвинулись (горние на лазоревом) – и я снова вспомнил...

А первые московские скинхеды собирались... много где собирались – эти жесткие и острые, а иногда просто тупые ребята. Одной из основных точек сборки была консерватория. (Некоторые даже бывали внутри). Консерва стоит на улицегерцена (именно так, в одно слово, называли её тогдашние обитатели), рядом была Манежка (еще помнящая антитоталитарное ликование конца 80-х, бронетехнику 91-го и омовские коробки-черепахи кровавого 93-го. И которой еще предстояло стать местом погромов 2002 и восстания правой молодежи в 2010...). Рядом были корпуса университета, рядом был Арбат, рядом была Лубянка с круглосуточной торговлей любыми наркотиками. В консерватории долгое время размещался музыкальный магазин, бомбануть который я однажды спровоцировал своего камарада – страстного филофониста, музыканта и, разумеется, нищего (на тот момент) подонка. Сматывая удочки после дела, мы пулями летели по улицегерцена, а в висках стучало Lust for life. Пробежать нам надо было метров 100 – до арки, ведущей в сложную систему дворов. Нырём в этот лабиринт – и поймать нас смогут только случайно. Мы успели. Нырнули.

Если эта яма окажется вдруг воздаянием за мою биографию, то копать мне предстояло до бесконечности.

...Много позже мы подружился с отцом Георгием и однажды вместе встретим столичное утро – приехав в родной для нас город затемно. Естественно, прошли мы и через Манежку. Я вспоминал «восстание Спартака», а святой отец делился воспоминаниями своей юности. Человек предыдущего поколения, он был фарцовщиком и валютчиком – и, также как и я, считал эти переулки заслуженно своими.

– А от КГБ-шников мы тогда через дворы тикали, – увлеченно рассказывал пастырь добрый. – Тут, знаешь, на Никитской, тогда она улица Герцена называлась, была такая арка... Вот в нее если заскочить...

– ...то тебя и с собаками не найдут, – закончил я фразу, невежливо перебив монаха. – Знаю я эту арку.

– Да откуда тебе знать? – замахал руками святой отец.

– Отец Георгий, спорим?! – не по-уставному ответил я.

Всё в этом мире теснее и ближе, чем нам самим кажется. И Господь – тоже ближе. Смотрит за каждым, терпеливо ожидая, сможет ли чадо стать иным, сделать усилие и измениться. Кто-то об этом не думает, кто-то считает, что всегда успеется. Но.. сейчас позднее, чем ты думаешь.

Отец Георгий успел это понять. Те, кто знает его по монастырю, удивляются его терпеливости и часто принимают её за слабость – редко когда отец откажет страждущему, всегда

готов принять на постой непутевого и подлечить болящего (да, именно в том самом смысле) Думают, по мягкодушию батюшка выдает рублишки на похмелочку. Они просто не видели, как отец однажды защищал крупную сумму из монастырской кассы от озверевших с «боярышника» пришельцев. Ему переломали все, что можно переломать – но кассу отец отстоял. Меня там рядом не было – но, думаю, отбившись, отец улыбнулся прежней своей «центральной» московской улыбкой. Так, как будто он успел добежать до подворотни на улице Герцена.

Не прост отец Георгий... Однажды ко мне бомондные друзья приехали, святой отец с ними коротко переговорил и благословил всех (он вообще жаден до общения и любопытен к человеческим историям, лицам... Кажется, даже просто к голосам). Но общение вышло скомканным – пастырь наш вел сто дел одновременно (в монастыре он выполняет функции эконома, инкассатора, толкача и прочее неисчислимое), часто отвечая на телефонные звонки.

– Видали, какой у него телефон?! – не знаю, чем и зачем похвастался я потом друзьям.

– Что телефон... – ответили искушенные в вопросах лакшери товарищи, – у него чехол стоит столько же, сколько сам телефон.

– И ботинки примерно плюс столько, – добавил еще один эксперт.

Отец Георгий готов свой телефон в любой момент подарить. Как и ботинки. (Что регулярно и проделывает. Такие фокусы с отношением к материальным предметам в исполнении бывшего валютчика вызывают коллапс мозга – ну так в Красной Гвардии служило больше царских офицеров, чем в Белой армии. Вот и отец Георгий перешёл на другую сторону в своей личной войне. Кажется, даже с повышением чина).

...Я копал и копал, вспоминал и вспоминал – со дна своей ямы. А потом небо из прозрачно-железового стало палеховым, а потом жостовским: день закончился. Наступила ночь. У меня покраснели пузыри на ладонях, странно выгнулась, одновременно приобретя неприятную жесткость, спина – но меня подкидывало и потряхивало. Воспоминания не отпускали. Да и спать совершенно не хотелось. И таинственные монастырские менеджеры мне помогли, как могли (наверно, они были шестикрылы и исполнены очей) – с получасовым перерывом на отдых меня отправили в собор, под который я только что вёл подкоп. Но теперь я оказался не снизу, а сверху – под куполом, даже внутри него. У самого лика Спаса нашего. Бог смотрел на меня внимательно и неотрывно, спрятаться от этого взора было некуда. Буквально: сборной солянке из наиболее духовитых парняг поручили демонтировать строительные леса, поднимавшиеся до самого соборного верха. Тогда было еще не понятно (мне), что парни делятся на ревностных прихожан, трудников и послушников – и тем более не понимал, какой группе я принадлежу, и в какую мне предстоит передвинуться в дальнейшем. Просто с профессиональной жадностью наблюдал за незнакомой мне средой, выделял манеры и словечки – ну и помогал, по мере сил.

Я не боюсь высоты (и вообще страх потерял) – но демонтажом высотных конструкций мне довелось заниматься впервые. Мне не хватало монтажного пояса и фартука мастерового, мне не хватало знаний и физических сил... Мне вообще всего не хватало – особенно рук или хотя бы ног. Чем хвататься и за что держаться на высоте в 20 метров – я просто не знал. Банального инструмента тоже не хватало. Один из братьев попросил гвоздодёр – призывно помахав от противоположной стены.

«...Если кинуть, то он наверняка не поймает – вниз спускаться придется...» – отчетливо помню я свою мысль, после которой перебежал через собор по перекинутой диагонально доске. И только потом глянул вниз. А потом рефлексорно вверх. На меня смотрел Бог.

А одновременно с нашей гопой на лесах сидели девушки. Или это были тётушки? Или матушки? Или игуменьи? Не разберешь, короче – все они были одеты несколько фундаменталистски: к православным дресс-кодовым юбкам/платкам добавлялись брюки под юбки,

а у некоторых были закутаны еще и лица (у кого респиратором, у кого просто платком). Сестры во Христе заканчивали роспись стен собора.

Возле одной из этих закутанных фигур мне приходилось пробегать особенно часто. Сначала приходилось – а потом стал закладывать петли. Я не видел её лица, фигуры, волос – видел только руки, в которых она держала кисть и палитру. И взгляд. По сторонам она не смотрела – она смотрела в упор в расписываемую ею стену. Но не на штукатурку в полуметре от своих зрачков – то, что она разглядывала и, видимо, сразу копировала движениями кисти, находилось несоизмеримо дальше и было несопоставимо по масштабам с фреской, со стеной, с собором, даже с самим монастырем.

Про людей говорят: «глаза светились». Или «лицо сияло». У неё светились руки, державшие мольберт и кисти. Может, и глаза тоже светились, и лицо сияло – мне было не видно. И я стал смотреть на светящиеся руки художницы-богомаза. Руки были красивые, и смотреть на них было приятно. И фрески, на которые она наносила последние штрихи, мерцали взаимно.

– Вот бы с ней познакомиться, – подумал я. Мысль для мужчины в мужском монастыре была не просто неуместная – она была сотрясающая идея. Но мы все равно познакомимся – не этой ночью, а потом.

...Я курил перед клубом, в ожидании концерта моей любимой группы. Она подошла сама – мы встретились глазами издалека, и она пошла на мой взгляд, прямо и просто. Смотрела приветливо и, кажется, была готова улыбаться. А я был готов проглотить сигарету. Курить рядом с такими глазами было кощунственно. А еще она оказалась заметно выше меня ростом. Проще говоря, это была очень красивая девушка. А говоря точнее – яркая. Я понял, с чего меня так петляло ночью в соборе.

В клубе, готовясь слушать бунтарские песни, художница разместилась нетривиально: залезла с ногами на диван в вип-ложе, усевшись на спинке. Официанты и прочий менеджмент косился, но ей было, видимо, по фигу. Видимо, ей вообще многое было по фигу – осторожно разглядывая художницу в мирской обстановке, я пытался представить, каково с такой внешностью жить и работать в мужском монастыре. Получалось плохо. Не прикидывалось.

Мы изредка продолжали пересекаться с художницей, и однажды она рассказала о особенно назойливом «женихе» из числа монастырских трудников.

– Я хотела задушить его ремешком сумочки, но потом подумала: «Я же тогда не смогу писать иконы...»

Мне хотелось с ней общаться чаще и больше – но после этого рассказа я тормознулся. Смерть от ремешка сумочки не входила в мои планы.

...а год спустя я снова зашёл в тот собор. Художница была там. Снова стояла с кистями – и с прямой спиной. Честное слово – на ней можно было жениться за одну осанку. Я снова не видел ее взгляда, но знал, что он был прямой и глубокий. Движения её были выверены и точны – наверно, также действуют хирурги. На голове у неё были наушники. Когда она сняла их, заметив меня, в древнем соборе раздалось тихо, но явственно:

*Они хотят разрушить тело наше изнутри
Больше всего хранимого сердце свое храни
Беснуются шуты, отвлекая внимание
Во время чумы – фуриет на расстоянии
Нескольких тысяч километров от Москвы
Приметы вырождения в контексте нищеты
Смотри: слуге сказали,
что он может быть царем
Власть народа – голосуй,*

*не думай больше ни о чем
Свобода выбора – а выбор примерно такой
Фашист или гей. Кафир или гой
Всё это было бы смешно, если б не было серьезно
Я понял окончательно, что уже поздно
Надеяться на перемены к лучшему
Кали-юга: будем держаться крепче
Молиться друг за друга
...Нам некуда бежать, сестры и братья!
Просыпайтесь! Вставайте!*

Она слушала песни моих любимых бунтарей. Гимн того самого «восстания Спартака» на Манежке. Музыка – от которой обывателей, сам видел, корёжит и трясёт. Занимаясь росписью. В православном соборе. Я приладил челюсть на место, и соотнес место, картинку и аудио. Под её кистью на стене собора рубил чертей воин-великомученик, бесогон. Всё совпадало – только было проще и сложнее одновременно. Художница видела всё чуть дальше и чуть иначе – ну так я же уже писал: она была выше меня ростом. И для неё мои друзья-бунтари были теми же бесогонами. Обывателей-то не просто так корёжило, а она понимала. И пыталась объяснить другим – тем, кто будет приходить в этот храм и смотреть на эти фрески.

– А кто-нибудь в монастыре еще эти песни слушает? – спросил я просто для того, чтобы что-то спросить.

– Из батюшек – вряд ли. А с остальными я не общаюсь.

– Почему? – снова съидиотничал я.

Она посмотрела испытующе, будто решая, можно ли мне доверять. Вздохнула и ответила печально:

– Потому что я отношусь к ним, как к неграм.

... Ух как я её понял! Ведь после собора, после той, первой монастырской ночи – я, вместе с первыми лучами солнца, добрался наконец до братской кельи в братском корпусе. Я не брезглив и видал виды – мне случалось подолгу жить на вокзалах. В хижинах. Под кустом. У черта на куличках. Окружение мое составляли подонки – как у Довлатова. Я был в навороте, что меня ничем не удивить и не пронять. Но трудникам, обитателям братского корпуса, это удалось. Такой феерической помойки в качестве человеческого жилья я еще не встречал. После живых и дышащих фресок храма, после его запаха свежей краски, свежего дерева, вообще – после свежести той ночи я очутился в пространстве, которое состояло даже не из мусора и отбросов, а прямо из миазмов. Вонь была многослойная и сложносочиненная.

В изумлении я стоял на пороге, пытаюсь найти место для шага, и анализируя, помимо желания: «Тээк... Это перегар. А это – от носков. Вот – помойное ведро. А это? Это что?». На полу лежали остатки дохлой рыбы. Я вытащил одноразовую салфетку и собрался переместить тухлятину в ведро, но меня остановил негодующий возглас, раздавшийся из кучи пахучего тряпья:

– Ты что?! Оставь! Это же для кошки!

Броненосец мне в ангар... тут еще и кошки есть. Сопоставив запахи и количество кучек грязного тряпья, которые, видимо, служили ложами для усталых трудников, я сложил стопкой ноутбук, телефон, бумажник и документы, и отправился к отцу Георгию.

– Батюшка, я тут сейф видел. Можно, у вас полежит?

Отец тоже жил в этом корпусе – разумеется, в отдельной келье. А на другом этаже жил другой батюшка. Не валютчик, а наоборот – солдат в прошлой жизни. Снайпер. В сегодняшней жизни он производил впечатление юродивого, изъясняясь путано и многословно – и вдруг

сшибал развесившего заскучавшие уши слушателя точной, как выстрел, репликой. Причем лексикон у него был крайне богат – те же евангелия он читал по памяти едва ли не целиком.

И каждый в этой обители был волен выбирать: зайти в гости к алкашам-голытьбе или к прозорливым отцам. Трудиться в соборе или бухать боярышник. Между собором и вонью корпуса – метров 100 по прямой. Между дверями в келье – и трёх метров не будет.

А Господь сделал всех свободными и всегда оставляет возможность выбора. Через несколько дней я сделал свой выбор: вышел за ворота монастыря, и одновременно, с двух сторон, подъехали две машины. В одной сидел заединщик, с которым мы и заехали в эти края, в другой – брат Всеволод, старший с одного дальнего и сложного подворья.

– Собирайся, я квартиру нам снял!

– Сергей, поедешь на подворье? Хочешь? Собирайся!

– раздалось в два уха.

Получить приглашение от самого раба Божьего Всеволода было лестно. Он человек заметный. Колоритный. Менее всего он похож на раба – а походит, скорее, на хозяина здешних лесов, матерого медведя. Обладает сопоставимой физической силой и умением, при необходимости, появляться тихо и неожиданно. Косая сажень и походняк вразвалочку.

Обитатели подворья сетовали на Всеволода

– Нет, ну ты прикинь? Вот стоит нам разлить – как он тут же появляется!

Хотелось отвечать: «Идиоты! Вы бы разливали пореже – глядишь, и не появлялся бы Сева...» Но в этом была особенность нашего монастыря и нашего подворья – настоятель наш привечал всякого калику переходящего. Всех сирых и убогих. А точнее говоря – безнадежных. Тех, от кого отказался весь остальной мир.

Так, самый безобидный из обитателей подворья носил кличку «Лёня-не-сломается». Он был всяким помощником при всяком деле. И всякий раз происходил один и тот же диалог:

– Лёня! Не надо так – ломается!!

– Не ломается...

– Лёня! Сейчас ломается!

– Не сло... Ой. Сломалось...

Выдержка у Всеволода была просто беспрецедентной.

«Чистеньких всякий полюбит, а вы грязненьких полюбите...» – и Всеволод честно любил каждого грязного засранца. И каждого называл братом. Одного такого я называл «неисправимым плотником» – выпив, плотник регулярно впадал в буйство и однажды бросился и на Севу. Если Всеволод ходил на медведя, то плотник имел сходство с бычком. Поэтому я только посторонился, освобождая пространство – лезть в эту схватку мне было совсем не с руки. И просто хотелось посмотреть, как плотнику начистят наконец физиономию. Всеволод отреагировал нетривиально: крепко обхватил бычка и долго не отпускал. Пока тот не перестал брыкаться.

– Пусти, сука!

– Андрюша, брат! Не отпускаю. Ты же упадешь...

А на следующее утро я впервые увидел неисправимого плотника хмурым и прячущим глаза. Охренеть – ему было стыдно! У Севы получилось!

*...Не доводите до греха, буду стрелять, дичь!
Досчитал до десяти, выдохнул – я спокоен
Всем любовь – даже тем, для кого мы гои
Стёрты ноги по колено, все песни спеты
Сколько надо поколений, чтоб выйти к свету
сорок лет или сорок тысячелетий*

Я знаю, кто все знает – но Он не ответит

Думай сам, делай сам, бойся, верь и проси...

— не знаю, слушал ли Всеволод моих любимых бунтарей. Наверно, слушал – ведь жил он именно по этим строчкам.

Однажды я снова съездил в Москву и, вернувшись, показывал брату Севе свежие фотки. У меня тогда был вояж по местам боевой славы – «Серна», «Репа», «Второе дыхание» – для московского хулиганья рубежа веков эти места были знаковыми. Сева вдруг спросил, глядя на фотку «Второго дыхания»:

– А наискосок заведение открыто еще?

– Да не, – отвечаю, – на Герцена только рюмочная осталась. И на Китае еще...

– Ну, на Китае не рюмочная, а чебуречная, – поправил меня брат, и вдруг я осознал, что он носит олдскульную олимпийку «Адидас» и натовские штаны вовсе не просто так. Когда-то такие шмотки были дресс-кодом московских ультраправых. И среди тех, кто когда-то поссал на стены монастыря, были не только мои знакомые. Но и его тоже. Но Всеволод, как и отец Георгий, вовремя поменял армию. И теперь отдаёт и отдаёт – время, силы, деньги, одежду, нервные клетки – чтобы закрыть какой-то свой персональный давний счёт.

До подворья, где квитается со своими долгами Всеволод, и куда помимо всех своих планов, целей и желаний вселился теперь и я, дорога не то, чтобы не близкая – но крайне противная. Кочка на буераке. зуб на зуб не попадает – неважно, на чем едешь. Комфортнее всего, кстати, верхом. Однажды во время такой поездки у меня затрясся карман – и, когда я посмотрел на экран телефона, мне стало тепло. Звонил СанСергеич – мой родственник в каком-то смысле. Тот друг, который стал ближе чем брат. Он давно живет в здешних краях – и я заговорил с ним о наблевшем.

– Слушай, ну и дороги тут у вас. Я третий месяц езжу. Все привыкнуть не могу.

– Третий месяц... Я пятнадцать лет привыкнуть не могу.

Офигеть – уже пятнашка... 15 лет как один из первых (и наверно один из самых авторитетных) московских нацистов, плоть от плоти городских улиц, исчез с горизонтов, вышел из эфира. Многие полагали, что он стал безымянной жертвой уличной войны, не прекращающейся в нашем Вавилоне с девяностых годов. Парнягой он был отчаянным и бескомпромиссным – среди лично мне известных людей он был первым, кто наколол себе на теле свастику. Причем не одну – на плече расположил флаг вермахта, а на предплечье – простую классическую. Которую нельзя было спрятать рукавом или выдать за что-нибудь вроде «стилизованного славянского узора». Сашка готовился к великой белой революции всерьез и лёгких путей не искал.

...он и остался бескомпромиссным воином. И, наверно, сделал для будущего русского народа на русской земле больше всех остальных парней из своей банды. Он бросил Вавилон, он переехал в центральную Россию, он нашел верную красавицу-жену и стал растить русских детей. Сейчас их у Сашки шестеро. Это буйные, здоровые, умные дети. Очень красивые. Они умеют читать на церковнославянском и по-английски, и петь они тоже умеют. Еще они умеют обращаться с холодным и огнестрельным оружием, выживать на снегу и на воде. Со снегом у этих гиперборейцев вообще отдельные отношения. Но я сейчас про своего друга, воина Сашку. Вы представляете, что такое растить шестерых на земле, своими силами? Я это только со стороны наблюдаю иногда – мне и то страшно. Это тебе не по головам в электричках прыгать.

...но – следом за проторенным Сашкой маршрутом, я тоже стремительно превращался в залесского северянина. Неожиданно я снова стал писать – впервые за несколько лет. Когда и как мне это удавалось – я не очень понимаю, потому что день мой был стандартным днем

монастырского трудника, с подъемом сильно ранее северного восхода и нормальной трудовой нагрузкой. (Не Гулаг, но и не «офисмытищах»). Плюс авралы, плюс ежеутренняя и ежевечерняя молитва-правило. Плюс неожиданности, на которые оказалась богата монастырская жизнь.

Иногда я заменял повара, когда тому недужилось. Это был самый мрачный человек из встреченных мною за последние несколько лет. Кормил он людей, но разговаривал в основном с монастырскими кошками и в основном – ругался на них. И делал это столь остервенело, что я не сразу заметил, что делает он это без матерной ругани. И уж совсем много времени мне потребовалось на то, чтобы заметить – желчный нелюдимый человек прекрасно знаком со всеми тонкостями годичного богослужения. Иногда он поправлял ошибающихся чтецов-клириков – и делал это примерно также, как разговаривал с кошками. Потом он стал поправлять и меня – неожиданно я сам стал клириком. Это в придачу к повару-на-подмене. (Повторюсь – как мне удавалось что-то писать при таком режиме, я сам не понимаю).

Он очень и очень нелюдимый – наш повар. Наверно, я никогда не узнаю, что привело его в самое суровое подворье самого сурового монастыря, как он напитывался богослуженной премудростью... Я не кошка, со мной он не разговаривает. Только случайно обмолвился как-то, что по молодости здорово он квасил с Кинчевым. Тем, который написал строчки:

*Но если ты строишь свой дом на камнях —
Бойся. Проси. И верь.*

А еще этот самый мрачный человек однажды слазил в уличный сортир – ну да, в яму с дерьмом – и вытащил двух упавших туда щенят. Животных он определенно любил больше, чем людей. Правда, потом он ужасно ругался на маму-собаку, проворонившую свое потомство. Тогда я и подменил его впервые на несколько дней – возражающих не нашлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.